

Протопресвитер Виталий Боровой

Булгаков и Бердяев: богословие и философия

Доклад на семинаре в Шамбези (Швейцария) в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси

Статья подготовлена на основе рукописи доклада, который протопр. Виталий Боровой собирался прочитать на богословском семинаре в Шамбези (Швейцария) в канун празднования 1000-летия крещения Руси. В докладе рассмотрены богословские взгляды прот. Сергея Булгакова и философские идеи Н. А. Бердяева как ведущих представителей русского религиозно-философского возрождения первой половины XX века. Текст сопровождается обзором библиографии основных трудов Булгакова и Бердяева (и их исследователей). Статья представляет собой прекрасное введение в творчество рассматриваемых авторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бердяев, Булгаков, богословие, философия, персонализм, экзистенциализм, коммунизм, русское религиозно-философское возрождение.

1. Вводные замечания

1.1. БУЛГАКОВ

10 июня 1918 года, в светлый праздник Пятидесятницы и Сошествия Св. Духа на свв. апостолов, в храме Св. Духа Данилова монастыря в Москве (где покоится прах Хомякова и Гоголя) состоялось рукоположение в сан дьякона, потом в священника члена Высшего церковного совета, избранного Всероссийским церковным собором, профессора Московского коммерческого института по кафедре политической экономии, бывшего марксиста, а теперь убежденного христианина, богослова и философа Сергея Николаевича Булгакова, будущего знаменитого православного богослова и религиозного мыслителя. Рукополагал его, по благословению святейшего патриарха Тихона (Беллавина), настоятель

Данилова монастыря еп. Феодор (Поздеевский), последний ректор Московской духовной академии.

При его рукоположении присутствовали и молились его ближайšie друзья: свящ. Павел Флоренский, Н. А. Бердяев, кн. Е. Н. Трубецкой, М. А. Новоселов, Вяч. И. Иванов, П. Б. Струве, Г. А. Рачинский, М. О. Горшензон, Л. И. Шестов, Е. А. Аскольдов и др.

Дары Св. Духа, дух Пятидесятницы сопутствовали о. Сергию Булгакову всю его жизнь, вплоть до блаженной кончины.

Последнее (уже предсмертное) письмо о. Сергия написано к Духову дню, 26 лет спустя получения им в Даниловом монастыре благодатных даров священства и богословствования. Кончина его началась в ночь с этого Духова дня, хотя отшествие ко Господу длилось еще некоторое время — до 28 июня 1944 года.

Последние дни о. Сергия описаны пятью очевидцами, бывшими при нем в это время.

Это было в субботу 10. 6. 1944 г. <...> Было около часу дня. Лицо о. Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким неземным светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть. Ясно было, что душа о. Сергия, проходившая какие-то таинственные пути, в это мгновение приближалась к престолу Господню и была озарена светом Его Славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление, но это мог быть миг и век — время для нас остановилось.

Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом Святым, при таком «реальном опыте святости», который трудно было вместить [*О последних днях*, 85].

Весьма знаменательно и символично то, что спустя 70 лет после рукоположения о. Сергия в Даниловом монастыре и через 44 года после его блаженной кончины — в этом же, но уже обновленном и возвращенном церкви Даниловом монастыре, 12 июня этого года¹, также в период после праздника Пятидесятницы и Духова дня, в воскресенье Всех святых, в земле Российской просиявших, — третий преемник святителя Тихона на престоле всероссийского патриарха, канонический предстоятель Русской церкви патриарх Московский и всея Руси Пимен, в сослужении сонма патриархов, предстоятелей или высоких представителей иерархии всей православной церкви, всей православной полноты, в окружении епископата, духовенства и верующих нашей церкви

1. Доклад написан в 1988 г. — Прим. ред.

совершит торжественную литургию в ознаменование и в свидетельство реального опыта святости бесчисленного сонма святых, в земле Российской просиявших. Будет это в том же Даниловом монастыре, откуда начался пастырский и богословский путь о. Сергия, во время Поместного собора Русской православной церкви 1988 г., каноническом правопреемнике и продолжателе поместного Московского собора 1917–1918 гг., членом и деятельным участником которого был о. Сергей.

Так замкнется круг времен в жизни о. Сергия, связанный с Даниловым монастырем.

Известный французский католический богослов и систематик Луи Буйе сравнил значение богословских трудов о. Сергия для нашего времени со значением трудов Оригена для христианского богословия начального периода истории древней церкви [Bouyer, 465].

В этом смысле его можно также сопоставить с отцом IV в. Григорием Нисским, который был «высоким ученостью всеобъемлющей» и наиболее смелым — до граней ереси — богословом и метафизиком своего времени, по выражению проф. Л. П. Карсавина [Карсавин, 181].

Тем не менее святитель Григорий Нисский признан церковью святым, а на VII Вселенском соборе он был назван «отцом отцов».

Хотя творчество о. Сергия вызывало много возражений, споров и неясностей (как в свое время и творчество Григория Нисского), для настоящего времени (в условиях нашего свидетельства о Христе в среде уже секуляризованного советского общества) знаменательна судьба о. Сергия, как бы предвосхитившая, быть может, судьбы нашего народа — от церкви к атеизму и от атеизма к церкви.

1.2. БЕРДЯЕВ

Схожей была и судьба другого нашего великого религиозного мыслителя и философа Николая Александровича Бердяева.

От марксизма к христианству и религиозной философии

Он, как я уже сказал, вместе с о. Павлом Флоренским молился в день Св. Духа за рукоположением о. Сергия в Даниловом монастыре. С тех пор имена и труды Флоренского, Булгакова и Бердяева — как бы некой богословской троицы в свете благодатных

даров Пятидесятницы 1918 года — надолго и намного определили развитие и содержание русской религиозно-философской и богословской мысли и у нас на родине, и на Западе.

При этом следует отметить, что влияние Бердяева на всю религиозно-философскую мысль Запада было и шире, и масштабнее, чем даже влияние о. Сергия Булгакова и о. Павла Флоренского. И Булгакова, и особенно Флоренского Запад только начинает открывать. Можно с уверенностью сказать, что по мере дальнейшего знакомства, новых переводов их значение и влияние будут возрастать и творчески оплодотворять западных богословов и философов.

И все же Бердяев является и пророком, и предтечей современных направлений христианской мысли на Западе. Его сочинения переведены более чем на 14 языков во всем мире. Его заслуженно называют «взбунтовавшимся пророком» (англ. *rebellious prophet*) [Lowrie] и «философом надежды» [Callian]. И он сам о себе свидетельствовал таким же образом:

Я... совсем не учитель жизни, а лишь искатель истины и правды, бунтарь, экзистенциальный философ... [Бердяев. *Самопознание*, 365]².

Он писал о себе в книге «Я и мир объектов»³:

Основная идея моей жизни есть идея о человеке, о его образе, о его творческой свободе и творческом предназначении [Бердяев. *Я и мир объектов*, 186]⁴.

Вместе с Николаем Федоровым⁵ и проф. В.И. Несмеловым⁶ Бердяев предвосхитил и наметил современное направление в богословии «целостности творения» (англ. *integrity of creation*), что сейчас вместе с понятием «справедливости и мира» является основным стержнем богословских изысканий и экуменических усилий в этой области (англ. *justice, peace and integrity of creation*); в современном богословии надежды и современной «антропологии в богословской перспективе»⁷.

2. Франц. пер.: “*Je ne suis qu’un chercheur de vérité et de vie en Dieu, un révolté, un philosophe existentiel*” [Berdiaev. *Essai*, 419].

3. Франц. пер.: [Berdiaev. *Solitude*].

4. Франц. пер.: “*L’idée maîtresse de ma vie est l’idée de l’homme, de son visage, de sa liberté créatrice et de sa prédestination créatrice*” [Berdiaev. *Solitude*, 207].

5. См.: [Федоров].

6. См.: [Несмелов].

7. См.: [Moltmann] и [Pannenberg].

Следуя за Федоровым и Несмеловым, Бердяев неустанно провозглашал и защищал высокое достоинство и назначение человека и человеческой творческой личности. Он был уверен, что человек по своему существу призван продолжать творение, его дело есть каким-то образом дело «восьмого дня»: «...и почил Бог в день седьмой от всех дел Своих»^{*1}; «и благословил их (т. е. человека, мужчину и женщину. — В.Б.) Бог, и сказал им Бог... и наполняйте землю, и обладайте ею»^{*2}. Итак, человек предназначен быть владыкой земли [Бердяев. *Человек и машина*, 36–37].

*1 Быт 2:2

*2 Быт 1:28

Вся философия Бердяева основана на вере в творческие силы человека, в его призвание творчески продолжать дело Божье на земле, в то, что человечество в своей истории должно творить свой путь к Царству Божьему, которое есть не только Царство Небесное, но и царство преображенной земли, преображенного космоса [Бердяев. *Человек и машина*, 37].

А вся история человечества — это призвание к продолжению дела Божьего на земле, к «сорботничеству Богу»^{*3}. Потому она — история человека в «день восьмой» как продолжение «дня седьмого» (субботы), когда Бог почил от дел Своих и промыслительно вручил Свое творение человеку. И потому Бердяева с его философией человеческого творчества справедливо называют «человеком восьмого дня» [Davy].

*3 1 Кор 3:9

Хотя Булгаков и Бердяев во многом разнятся и в философии, и в богословии, очень характерно то, что сам Бердяев считал наиболее близкими себе мыслителями Оригена и св. Григория Нисского, т. е. тех же гениальных мыслителей древнего христианства «великих всеобъемлющей ученостью», но также оригинальных и смелых — до граней ереси.

В одинаковой мере гениальная оригинальность и дерзновенная творческая смелость — до граней ереси — Оригена и Григория Нисского, Бердяева и Булгакова хотя и вызывали противление, недоумение и недопонимание у современников и в традиционном церковном самосознании, но все же очень благотворно повлияли на дальнейшее развитие религиозно-философской и богословской мысли в церкви и обогатили современное богословие новыми идеями и прозрениями для будущего.

2. Исторические судьбы Булгакова и Бердяева (диаспора и творческое возвращение на Родину)

Исторические судьбы и творчество Булгакова и Бердяева неразрывно связаны с судьбами их народа и их церкви.

«Я всегда был подлинно русским»: эту исповедь, адресованную Достоевским Майкову, Бердяев и Булгаков могли всегда относить к себе.

Они любили свою Родину самозабвенно и нежно, так как они любили свободу.

«В России уже земля дает свободу», — скажет Бердяев в своей статье «Русская религиозная идея» (в сб. «Проблемы русского религиозного сознания», Берлин, 1924, во франц. пер.: *“L’Idée religieuse russe” — dans “L’âme Russe” — “En Russie la terre donne la liberté”* (Cahiers de la nouvelle journée, 1928, № 8).

Булгаков говорит о себе в своих «Автобиографических заметках»: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение...» [Булгаков. Заметки, 1]. «Родина — святыня для всякого и как таковая она всегда дорога и прекрасна. И моя Родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь...» [Булгаков. Заметки, 23]. «Вместе с Церковью я воспринял в душу и народ русский... как свое собственное существо, одно со мною» [Булгаков. Заметки, 14].

Почвенно оба тесно связанные с Россией и русским народом, жившие почти что в одно и то же самое историческое время (Булгаков — 1871–1944, Бердяев — 1874–1948), оба они прошли типичный кризис русского юношества того времени — кризис веры и поворот к атеизму и революционному марксизму. Это был типичный путь для русского интеллигента и интеллектуала начала XX века.

Один (Бердяев) — литератор, философ и профессор Московского университета (правда, кратковременно, в 1920 г.); другой (Булгаков) — профессор политической экономии Московского университета, потом Московского коммерческого института; оба бывшие марксисты, пришедшие к христианству и вере, оба не принявшие Октябрьскую революцию, были высланы из страны (Бердяев в 1922 г., Булгаков — в 1923 г.). Оба прожили всю остальную жизнь вдали от Родины — в изгнании, среди русской диаспоры в Париже.

Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, тоже высланные из страны (с группой других ученых, писателей, философов

и богословов), определили эту высылку так: «Мы не в изгнании, мы — в послании». В самом деле, эти ученые, мыслители, философы и богословы не только познакомили весь христианский и культурный Запад с сокровищами русской культуры и литературы и религиозно-философской мысли, но и продолжали на Западе (в православной диаспоре) развивать лучшие традиции и достижения русского культурного и духовного Ренессанса, расцвет которого пришелся на начало XX века.

О смысле этого «послания» хорошо сказано у Бердяева в его книге «Самопознание». Он вспоминает:

...У меня было одно светлое впечатление от Православной церкви перед самой моей высылкой из советской России. Это моя встреча с о. Алексеем Мечевым. Он был из белого духовенства, но почитался старцем [Бердяев. *Самопознание*, 204].

(Кто знает, что значил тогда в Москве о. Алексей Мечев, тот поймет рассказ Бердяева.)

Бердяев свидетельствовал, что после свидания с о. Алексеем он вернулся потрясенный:

Когда я вошел в комнату о. Алексея... Мечев встал мне навстречу, весь в белом, и мне показалось, что все его существо пронизано лучами света. Я сказал ему, как мучительна для меня разлука с родиной. «Вы должны ехать, — ответил мне о. Алексей. — Ваше слово должен услышать Запад» [Бердяев. *Самопознание*, 221].

И слово Бердяева и Булгакова услышал не только Запад, но и весь мир. Это было слово подлинного русского и православного послания.

В Европе вся жизнь и деятельность Булгакова и Бердяева была связана со Свято-Сергиевским богословским институтом, с Русским студенческим христианским движением, с издательством YMCA-Press и с журналом «Путь».

В Париже были написаны и выходили основные их труды и статьи: о. Сергей Булгаков был ректором института и профессором по кафедре догматики, а Н. А. Бердяев — редактором «Пути», где и напечатаны большинство его и Булгакова богословских и религиозно-философских статей. Там же, в Париже, пришла к ним всемирная известность и всеобщее признание. Бердяеву Кембриджским (*Cambridge*) университетом присуж-

дено самое высокое научное отличие, возможное в Англии, — степень доктора *Honoris Causa* (1948). Из русских такой чести удостоивались лишь Тургенев — до Бердяева и Ахматова — после него.

Отец Сергей стал автором знаменитой «Большой» и «Малой трилогий» и многих других, не менее важных богословских и философских трудов и статей, принесших ему всемирную известность, хотя и вызвавших известные возражения. Труды эти прочно и заслуженно вошли в сокровищницу православного богословия и богословских теологуменов.

Сбылось пророческое видение о. Алексея Мечева, как у пророка Исаии *1: «Кого Мне послать и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня». Это «послание», рожденное в диаспоре, уже начало постепенно возвращаться на Родину и обогащать многих жаждущих «слова».

Будет время, когда это «послание» полностью или в основной своей части вернется в Россию.

Уже теперь в газете «Московские новости» (№ 14 от 3 апреля 1988 г.) опубликована статья с требованием издать в нашей стране для пользования всех избранные сочинения Вл. Соловьева, Бердяева, Булгакова, Евгения и Сергея Трубецких, Николая Лосского, Эрнеста Радлова, Ивана Ильина и др. В статье размещены фотографии Булгакова, Трубецкого и Бердяева. В ней говорится, что список можно продолжить.

Можно сказать, что для о. Сергия Булгакова круг судеб, начавшийся с его рукоположения в дни Св. Пятидесятницы 1918 г. в древнем Даниловом монастыре, через 70 лет после хиротонии (и через 40 лет после кончины) замкнется 12 июня 1988 г. в возрожденном Даниловом монастыре — тоже в дни Пятидесятницы и Всех святых, в земле российской просиявших, — торжественным богослужением Поместного собора Русской православной церкви в рамках празднования 1000-летия крещения Руси. Так и для Бердяева пророческая «отправка» его о. Алексеем Мечевым на Запад для «слова» может скоро завершиться возвращением этого обогащенного новым посланием «слова» на Родину. Конечно, с учетом предосторожностей, о которых говорится в упомянутой выше статье, «слово» может вернуться пока что только лишь в избранном, выборочном виде, с соответствующими критическими примечаниями и хорошим в идеологическом смысле «марксистским» вступительным введением. Но мы знаем, что тот Дух, которому служил всю свою жизнь Бердяев, по слову Божьему,

*1 Ис 6:6

«веет, где хочет»^{*1} и этот «Дух Истины наставит (читателей Бердяева! — В. Б.) на всякую истину»^{*2}.

*1 Ин 3:8

*2 Ин 16:13

Такова дивная историческая судьба Булгакова и Бердяева: от церкви — к атеизму и марксизму, от марксизма — к вере и церкви, из России — в диаспору на Запад с «посланием», и с Запада опять на Родину — с новым «посланием».

3. Основные труды Булгакова и Бердяева и их общая характеристика

Булгаков и Бердяев, выполняя свое жизненное «послание», очень много писали, перечень их трудов необычайно богатый. Библиография всего написанного Бердяевым, изданная в 1978 г. [Клеппина], обнимает собою 483 позиции (всего написанного и напечатанного, кроме, конечно, его рукописного архива, еще не изданного и не разобранныго⁸).

Подобной же библиографии и всех трудов и всего написанного Булгаковым еще не существует (насколько мне известно)⁹, но перечисление его трудов в двух капитальных томах Л. А. Зандера «Бог и Мир : Миросозерцание отца Сергия Булгакова» (Т. 1. Париж, 1948. 479 с.; Т. 2. Париж, 1948. 386 с.) включает в себе сотни позиций всего написанного и изданного (включая не напечатанные еще проповеди, слова и поучения).

Дополнительные материалы из не изданных еще трудов Булгакова печатались также в «Вестнике РХД», например, в № III–IV (101–102) за 1971 г.: «Трагедия философии» (С. 87–104); «Центральная проблема софиологии» (С. 104–108); «Мариология в Четвертом Евангелии (7-я глава “Богословия Иоанна Богослова”)» (С. 109–114); некоторые проповеди (С. 115–126); статья в связи с известием о смерти Флоренского (С. 126–137) и др.

При изучении богатого богословского и религиозно-философского наследия Булгакова и Бердяева следует иметь в виду следующее (помимо, конечно, различия в содержании и направлении).

Булгаков — больше систематик. Его труды представляют собою своеобразную *Summa Theologiae*.

Бердяев — экзистенциальный религиозно-философский мыслитель, писавший о многих вопросах, волновавших или увлекав-

8. На тот момент. — Прим. ред.

9. По состоянию на конец 2015 г. последней является библиография, подготовленная Регулой Цвален и Ксенией Бабковой из Фрибургского

университета (Швейцария). См.: URL: http://fns.unifr.ch/sergij-bulgakov/assets/files/Bibliographie_ganz_201512.pdf (дата обращения: 31.12.2015). — Прим. ред.

ших его, и откликнувшийся на многие проблемы религиозной, философской и общественной жизни современного человечества.

Об этих вопросах он писал исходя из уже сложившихся у него общих убеждений и системы мышления, но всякий раз трактуя тему экзистенциально и корректируя свои отрывочные утверждения под влиянием внутренней логики данной проблемы и процесса ее развития перед лицом действительности. Это была его религиозная философия в становлении, некоторое подобие того метода, который известен под условным названием "*Process Theology*". Однако это отнюдь не означает, что Бердяев был своего рода гениальным религиозно-философским публицистом, реагирующим только на происходящее или на непосредственно его окружающее.

Он был цельным и глубоким религиозным мыслителем и философом-богословом.

За всеми многочисленными его писаниями стояла стройная система религиозно-философских убеждений, идей и идеалов, за которые он боролся всю жизнь и остался им верным до самой смерти.

Так что если говорить о религиозно-философской системе Бердяева, то она существует и даже очень отчетливо проступает во всех его трудах, но изложить ее цельно и системно можно только изучив и систематизировав все богатство и разнообразие его письменного и жизненного наследства.

3.1. ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПРОТ. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

а) *Исследования экономических вопросов*

- «О рынках в капиталистическом производстве».
  - «Капитализм и земледелие».
- Статьи об основных понятиях политической экономии:
- «От марксизма к идеализму» (1903).
  - «Философия хозяйства» (ч. 1: «Мир как хозяйство». М., 1912) (это его докторская диссертация. — В. Б.).

В первых своих книгах по экономическим вопросам Булгаков является еще правоверным марксистом. В сборнике «От марксизма к идеализму» намечается разрыв с марксизмом. А в главной книге этой группы («Философия хозяйства») уже намечен переход к философии (на примере философии мира как хозяйства).

б) *Книги по философии — в разных ее проблемах и областях*

- «Свет невечерний» (М., 1917).

Это уже изложение системы его философствования (подзаголовков книги — «Созерцания и умозрения»). Книга состоит из введения и трех отделов.

Введение — природа религиозного сознания.

Отдел 1 — Божественное Ничто. Это диалектика — апофатическое и катафатическое в идее Божества.

Отдел 2 — Мир (тварность мира, время и вечность, материя и тело, природа зла).

Отдел 3 — Человек (образ Божий и подобие Божье в человеке, грехопадение. Ветхий Завет и язычество; Новый Адам — воплощение и спасение падшего человека). Человеческая история, хозяйство, искусство, власть, общественность и церковность, конец истории и свершение.

- «Два Града» (М., 1911) — исследование о природе общественных идеалов.

Том 1 — о религии человекобожия у Фейербаха; Карл Маркс как религиозный тип; христианство и социальный вопрос; о первохристианстве и др.

Том 2 — Первохристианство и новейший социализм; апокалиптика и социализм; религия человекобожия и русской интеллигенции; философские характеристики; размышления о национальности; церковь и культура.

- «Тихие думы» (М., 1918) — сборник статей на философско-литературные темы (о Соловьеве, о Моцарте и т. п.). Там же статьи (под общим заголовком «Современное арианство») с резкой критикой современного автору немецкого протестантского богословия: «Профессорская религия»; «Кризис христианства в современном протестантизме»; «Hat Jesus gelebt?»; «Христианство и мифология».

- «Философия имени» — это позднейшая разработка булгаковского доклада Московскому собору 1917–1918 гг. по вопросу об имяславцах (богословском споре вокруг имени Божьего на Афоне, а потом и в России). Книга выходит далеко за пределы узкой монашеской дискуссии того времени, трактует как наиболее современные вопросы структурализма (разделы книги: «Что такое слово?»; «Речь и слово»; «К философии грамматики»; «Язык и мысль»; «“Собственное” имя»; «Имя Божье»).

В этом своем исследовании Булгаков уже в начале революции (1918 — 1920-е гг.) предвосхитил и поставил все вопросы, которые являются сейчас предметом рассуждений и споров в рамках философской лингвистики и структурализма человеческой мысли и логики.

- «Трагедия философии» (о преодолении критического идеализма), написанная в 1920–1921 гг., при жизни автора осталась неизданной. 1-я глава ее напечатана теперь в 1971 г. в «Вестнике РХД».

в) Богословские труды

Первая догматическая трилогия («малая»):

- «Купина Неопалимая» (1927) — о почитании Божьей Матери.
- «Лествица Иакова» (1929) — об ангелах.
- «Друг Жениха» (1927) — об Иоанне Крестителе (Предтече).

Вторая догматическая трилогия («большая»):

- «Агнец Божий» (1933) — о Богочеловечестве, ч. 1.
- «Утешитель» (1936) — о Богочеловечестве, ч. 2.
- «Невеста Агнца» (1945) — о Богочеловечестве, ч. 3.

«Агнец Божий» весь посвящен проблемам христологии. Это синтез всех предшествующих богословско-философских работ о. Сергия. Данный труд — как бы вершина его творчества, где всеобъемлющий синтез осуществляется в формах христологической проблематики и поэтому оказывается непосредственно связанным с историей христологических учений. Исходом христологической темы является эсхатология, с раскрытием внутреннего содержания истории как совершающемся в ней воцарении Христа.

«Утешитель» — это синтез пневматологии о. Сергия, вытекающий из христологии. Его предваряет солидная и очень скрупулезная историко-критическая часть (введение и главы 1–2, почти половина всей книги), где излагается библейское и святоотеческое учение о Св. Духе (особенно вопрос об исхождении Св. Духа; вся 2-я глава посвящена патристическому периоду учения и контроверз о Св. Духе).

В главах 3-й (О Духе Божьем и Духе Святом), 4-й (Двоица Слова и Духа) и 5-й (Откровение Св. Духа) дается сама система пневматологии в понимании о. Сергия.

Здесь же решается вопрос о продолжающейся Пятидесятнице. Согласно о. Сергию, большинство современных движений, претендующих быть «религиями духа» и чающих откровения «Третьего

Завета», являются типичными «ересями о Св. Духе». Неправильна уже сама постановка вопроса, к чему — к прошлому или будущему — относятся слова пророчества о дне, когда Господь «излиет от Духа Своего на всякую плоть» *¹. Исполнением этого пророчества и была Св. Пятидесятница. То, что свершилось в Пятидесятницу, есть сошествие в мир не только Духа Божьего в Его Дарах, но Самого Ипостасного Духа Святого, аналогичное с сошествием с неба Логоса для воплощения [Булгаков. *Утешитель*, 304].

*¹ Иоиль 2:28

Это событие имеет для себя начало, но не имеет конца. Утешитель послан — «да пребудет с нами вовек» *², и это вечное пребывание есть продолжающаяся Пятидесятница, «себя никогда не исчерпывающая» [Булгаков. *Утешитель*, 313].

*² Ин 14:16

Заканчивается том трактатом об «Отце», который как бы замыкает цикл триадологических исследований — и апофатику «Света Невечернего», и катафатическое учение о Боге как Троице.

Третий том Большой трилогии о Богочеловечестве — это «Невеста Агнца». Тема этого труда есть учение о Церкви — экклезиология, понятая во всей ее широте и глубине. Она необходимо включает в себя и эсхатологию, содержащую ее наиболее обобщающие и последние истины [Булгаков. *Невеста*, 15].

Экклезиология, которая является вторым центральным отделом книги, предваряется, как это уже стало обычным для о. Сергия со времени «Света Невечернего», большим первым отделом — Творец и Творение (сотворение из ничего, тварная свобода, зло, Бог и тварная свобода, проблема предопределения и синергизма).

Сама экклезиология включает в себя не только учение о Церкви (существо Церкви; экскурс о спасении; Церковь как иерархическая организация; границы сакраментализма и благодать), но и главы об истории, смерти, загробном состоянии.

Отдел третий об эсхатологии трактует о парусии, преображении мира, всеобщем воскресении, суде и разделении, о вечности блаженства и мук, о граде Божьем.

В качестве *Addenda* дается трактовка вопроса о теодицее, об искуплении и апокатастасисе. Далее подробно рассматривается учение блж. Августина о свободе и предопределении (*лат. Predestinatio*).

В своей экклезиологии о. Сергий был не только систематиком и выразителем православной святоотеческой экклезиологической мысли, но и исследователем, пролагавшем пути к современной экклезиологии экуменического времени.

Церковь, будучи внешним фактом, одновременно есть и предмет веры, которая есть «наличность ожидаемого и очевидность невидимого»^{*1}.

*1 Евр 2:1

Церковь есть тайна (таинство всех таинств). Она — объективный факт, но она же есть невидимая мистическая жизнь.

Исчерпывающего и удовлетворительного определения Церкви быть не может (ибо Церковь есть жизнь), а жизнь неопределима, хотя может быть описываема и определяема.

С другой стороны, «Церковь есть полнота», πληρωμα («Наполняющего все во всем»^{*2}).

*2 См.: Еф 1:23

Церковь как Тело Христово включает в себя мысль о живом многоединстве; последнее раскрывается с одной стороны как единство (многих членов в одном теле), а с другой стороны как множество (различающихся друг от друга, хотя и объединенных между собой многих членов), и потому Церковь едина. Подробно разбирается вопрос о невидимом единстве в видимом множестве, об *Ecclesia extra ecclesiam* — *extra muros*¹⁰, о принципиальном решении экуменической проблемы и о принципиальной возможности экуменического общения. Много мыслей об этом содержится в изданных по-английски статьях о. Сергия:

- One Holy Catholic and Apostolic Church // The Journal of the Fellowship. 1931, June. N 12. P. 17–31.
- Orthodoxy in its Relation to Non-Orthodoxy // The American Church monthly. 1936, October. Vol. XL. N 4. P. 251–263.
- Spiritual Intercommunion // Sobornost. 1936, December. N 4. P. 37.
- The Church Universal // The Journal of the Fellowship of st. Alban and st. Sergius. 1934, September. N 25. P. 10–15.
- “By Jacob’s Well” : John, 4:23 // The Journal of the Fellowship of st. Alban and st. Sergius. 1933, December. N 22. P. 7–17.
- The Hierarchy (The Ministry) and the Sacrament // The Ministry and the Sacrament : Report of the Theological Commission appointed by the Continuation Committee of the Faith and Order Movement under the Chairmanship of Rt. A. C. Headlam, Bishop of Gloucester. London : SCM Press, 1937. P. 95–123.
- The Problem of the Church in the Modern Russian Theology // Theology. 1931. N 133. P. 63–69; N 134. P. 9–14.
- The Orthodox Church. London : The Central Press, 1935. 224 p.

10. «Церковь вне церкви», «вне границ» (лат.). — Прим. ред.

Я специально привел здесь библиографические указания английских статей о. Сергия, основные мысли и идеи которых заключаются или исходят из «Невесты Агнца» (т. е. его экклезиологии). Существует хороший французский перевод «Невесты Агнца»: *L'Épouse de l'Agneau / Par C. Andronikof. Lausanne : L'Age d'Homme, 1984. 473 p. (Collection Sophia. Pensée et religion).*

Для правильного понимания экклезиологии о. Сергия очень важны также его «Очерки учения о Церкви»¹¹.

«Очерки учения о Церкви»¹² переведены К. Андронниковым на французский¹³ и изданы вместе со сборником статей о. Сергия по софиологии¹⁴.

Кроме многочисленных статей в «Пути», а также рассеянных в других периодических изданиях у нас (до 1918 г.) и на Западе (до 1944 г.), для богословия и религиозной философии о. Сергия важны еще и следующие его исследования:

- «Апокалипсис Иоанна». Париж, 1948. 352 с.
- «Св. Петр и Иоанн. Два Первоапостола». Париж, 1926. 91 с.
- «Икона и Иконопочитание». Париж, 1931. 166 с.
- «О чудесах евангельских». Париж, 1938. 98 с.

Уже посмертно — книга о. Сергия «Православие» (Православие : Очерки учения православной церкви / С предисловием Л. Зандера. Париж : YMCA-press, 1964. 403 с; Хороший французский перевод: *L'Orthodoxie / Par C. Andronikof. Lausanne, 1980. 215 p.*)

Существует хороший французский перевод «Агнца Божьего»: *Du Verbe incarné / Par. C. Andronnikof. Lausanne, 1982. 377 p.* (первое, старое издание этого французского перевода — ed. Aubier. Paris, 1943. 301 p.)

«Утешитель» тоже переведен К. Андронниковым на французский: *Le Paraquet / Ed. Aubier. Paris, 1946. 376 p.*

Готовится (возможно, уже вышло)¹⁵ новое лучшее издание перевода «Le Paraquet» (ed., par. C. Andronnikof. Lausanne : L'Age d'Homme).

Существует английское издание «Православия»: *The Orthodox Church. Florida, 1935. 220 p.*

11. Опубликованы в журнале «Путь». — Прим. ред. См.: [1925. № 1. Сентябрь. С. 53–78; 1926. № 2. Январь. С. 47–58; 1926. № 4. Июнь-июль. С. 3–20; 1929. № 15. Февраль. С. 39–80. (О Ватиканском догмате); 1928. № 16. Май. С. 19–48. (О Ватиканском догмате (продолжение))].

12. См.: Путь. 1925. № 1. Сентябрь; 1926. № 2. Январь.

13. См.: *Le Messager Orthodoxe*. 1983. № 93–94.

14. См.: *La Sagesse de Dieu*. Lausanne : L'Age d'Homme, 1983. 96 p.

15. Книга вышла в 1996 г. — Прим. ред.

Издана также английская антология отдельных статей о. Сергия: *A Boulgakov Anthology* / Ed. by N. Zernov and J. Pain. Philadelphia, 1976.

Это переиздание первой антологии, вышедшей в Англии (SPC Press, 1976. 191 p.)

Статья «О Ватиканском догмате» из № 15 и 16 «Пути» также переведена на английский (St. Tikhon Press, South Canaan, 1959. 91 p.)

Экклезиология о. Сергия изложена довольно полно, но с тенденциозным искажением в духе «У стен Херсонеса» в книге католического богослова: P. Stanislaw Swiewkosz, S. J. *L'Eglise Visible selon Serge Boulgakov*. Roma, 1980. 239 p. (*Orientalia Christiana Analecta*; 211).

Пневматологии о. Сергия посвящен труд реформаторского богослова: Charles Lee Graves. *The Holy Spirit in the Theology of Sergius Boulgakov*. Geneva, 1972.

На этом я закончу обзор важнейших трудов о. Сергия Булгакова с характеристикой основных их направлений.

3.2. ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ БЕРДЯЕВА

Что касается обзора трудов Бердяева, это не под силу сделать в одном докладе. Как было отмечено, существует полная библиография всего, написанного Бердяевым (с указанием и переводов на разные языки), включающая в себя 483 позиции [*Клепичина*].

Главным и наиболее характерным трудом Бердяева следует признать его книгу «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» [*Бердяев. Самопознание*]. Недавно вышло второе издание этой книги, дополненное и улучшенное.

Сам Бердяев считал важнейшими своими трудами следующие:

- Смысл творчества. М., 1916. 358 с. (есть уже второе издание: Париж : YMCA-Press, 1985. 444 с. (в качестве второго тома предполагаемого полного собрания сочинений Бердяева)).

- Смысл истории : Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923. 270 с.

- Философия свободы. Москва, 1911. 281 с.

- Новое Средневековье : Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. 245 с.

- Философия свободного духа : Проблематика и апология христианства : В 2 ч. Париж, 1927–1928.

- О назначении человека : Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931. 320 с.
- Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Париж, 1946. 259 с.
- Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 159 с.
- Христианство и классовая борьба. Париж, 1931. 142 с.
- О рабстве и свободе человека : Опыт персоналистической философии. Париж, 1939. 224 с. (2 изд.: 1972).
- Царство Духа и Царство Кесаря. Париж, 1951. 165 с.
- Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. 247 с.
- Дух и Реальность : Основы богочеловеческой духовности. Париж, 1937. 175 с.

Еще Бердяев написал глубокие религиозно-философские монографии: о Достоевском¹⁶, о Хомякове¹⁷, о К. Леонтьеве¹⁸ и эссе «Христианство и антисемитизм» (о религиозной судьбе еврейского народа)¹⁹. Перу Бердяева принадлежат еще многие сочинения и сборники статей, вышедшие до революции (напр.: Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. 235 с.; Кризис русской интеллигенции (статьи по общественной и религиозной психологии). СПб., 1907–1909. 304 с. и др.)

В «Пути» и других периодических и повременных изданиях на Западе опубликованы многочисленные статьи по разным вопросам философии, богословия и современности, и значение их для понимания системы Бердяева в целом велико. Однако они трудно доступны (кроме «Пути») ввиду своей разбросанности.

Большинство книг Бердяева и его важнейшие статьи существуют во многих переводах (англ., франц., нем. и др.). Было бы в высшей степени полезным для богословия и философии настоящего времени, если кроме намеченного уже издания в Париже (в издательстве YMCA-Press) полного собрания сочинений можно было бы воссоединить разбросанные и потому недоступные многим его статьи в один или несколько сборников. Тогда система Бердяева предстала бы в целом для ознакомления, анализа и дальнейшей разработки.

16. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Прага : YMCA-Press, 1923. 238 с.

17. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М. : Путь, 1912. 256 с.

18. Бердяев Н. Константин Леонтьев. Париж : YMCA-Press, 1926. 269 с.

19. Бердяев Н. Христианство и антисемитизм : Религиозная судьба еврейства // Путь. Май-июнь 1938 г. № 56. С. 3–18.

3.3. ОСНОВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ БЕРДЯЕВА

Основной лейтмотив всей системы и всего творчества Бердяева — это утверждение свободы и борьбы за достоинство и творческие силы человека как личности и как члена человеческого сообщества.

Проблема творчества — центральная для Бердяева. Он считает, что смысл и цель человеческой жизни не исчерпываются спасением. Человек призван к творчеству, к продолжению миротворения. Творчество — из ничего, из свободы. Однако в отличие от Бога человек для своего творчества нуждается в материале. Человек есть одновременно микрокосм и макрокосм. Человек двойственен, он отражает в себе высший и низший миры, которые в нем пересекаются. Человек есть природное ограниченное существо, но он есть также образ и подобие Бога, т. е. личность, которую нужно отличать от индивидуума. Личность есть категория духовно-религиозная, индивидуум же есть категория натуралистически-биологическая. Как индивидуум человек есть часть природы и общества, как личность он есть всегда целое, а не часть, он соотносится обществу, природе и Богу. Духовное начало в человеке не зависит от природы и общества и не детерминировано ими. Присущая человеку свобода есть свобода несотворенная, «примордиальная», не детерминированная ни сверху, ни снизу.

Не только Бог рождается в человеке, но и человек рождается в Боге. Ответ, который Бог ждет от человека, должен быть свободным и творческим. Христианская философия должна быть философией богочеловеческой, христологической.

Невозможно принять идею бесконечного прогресса во времени, при котором каждый человек и каждое поколение рассматривается как средство для последующего. Это означало бы признание бессмысленности истории. Смысл истории требует признания конца истории, эсхатологии. Пока же история длится, в ней неизбежна прерывность — кризисы и революции, которые свидетельствуют о неудаче всех исторических замыслов и осуществлений.

Нужно признать правду гуманизма, но в процессе секуляризации образ человека-творца, который есть образ Бога, стал разлагаться, началось самообогащение человека и отрицание Бога. Гуманизм перешел в антигуманизм.

Основной вопрос здесь — это отношение личности и общества. Для социологии личность есть лишь часть общества. Для

экзистенциальной философии (т. е. для философии Бердяева в данном случае) наоборот, общество есть часть личности, ее социальная сторона. Права и свободы человека, ограничивающие власть государства и человека, основаны на том, что человек принадлежит одновременно Царству Божьему и Царству Кесаря. В высшем типе общества качественный принцип личности и демократический, социалистический принцип справедливости и братского сотрудничества людей должны быть объединены в синтезе персоналистического социализма.

Бердяев до конца своей жизни оставался убежденным глашатаям христианского персоналистического социализма. Во имя утверждения творческой свободы личности человека над поработившим его обществом он верил и боролся за победу именно такого христианского социализма.

С этих же позиций он резко критиковал и обличал историческое христианство и церковь как общественный институт, связанный с несправедливым социальным строем (как он его называл — буржуазным и капиталистическим строем).

В резкой и смелой книге «Христианство и классовая борьба»²⁰ он с горечью отмечал, что христианство всегда с опозданием следовало за социальным и культурным прогрессом. В этом причина исторических поражений и неудач христианства в современном мире. Церковь не хотела замечать, что мир радикально менялся и изменился. Появились совершенно новые социальные взаимоотношения. Теперь церковь должна определить свое отношение к этим новым реальностям. Христиане должны решить для себя, кто прав в обострившейся современной социальной борьбе. Конечно, насилие следует осудить, с чьей бы стороны оно ни шло. Но все же необходимо решать, на чьей стороне стать. Св. Иоанн Златоуст остро реагировал на социальные проблемы своего времени. По своей социальной позиции он был очень близок к коммунизму, хотя этот его коммунизм был христианским и некапиталистической эпохи.

Будучи убежденным христианином и философски отвергая советский коммунизм, Бердяев все же — как честный философ и христианский социалист — в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» имел мужество сказать об этом так:

20. Бердяев Н. Христианство и классовая борьба. Париж : YMCA-Press, 1931. 142 с.

...В социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма. <...> Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращая человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает ее адептам учить коммунистов евангельской истине, что «не о хлебе единым жив будет человек». Вопрос о хлебе для меня есть вопрос материальный, но вопрос о хлебе для моих ближних, для всех людей есть духовный, религиозный вопрос. «Не о хлебе единым жив будет человек», но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех, и тогда именно духовный вопрос предстанет пред человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что хлеб для значительной части человечества не будет обеспечен. Это цинизм, справедливо вызывающий атеистическую реакцию и отрицание духа. <...> Коммунизм есть великое поучение для христиан, часто напоминание им о Христе и Евангелии, о профетическом элементе в христианстве.

В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй личный интерес, и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности [Бердяев. *Истоки и смысл, 150–151*].

Говоря такие прямые слова христианскому миру, Бердяев оставался всегда, как он сам говорил о себе, «певцом свободы»:

Я воспеваю свободу, когда моя эпоха ее ненавидит, я не люблю государства... когда эпоха обоготворяет государство, я крайний персоналист, когда эпоха коллективистична и отрицает достоинство и ценность личности, я не люблю войны и военных, когда эпоха живет пафосом войны... наконец, я исповедую эсхатологическое христианство, когда эпоха признает лишь христианство традиционно-бытовое [Бердяев. *Самопознание, 281*].

Во всем этом исповедании веры у Бердяева есть много преувеличений и противоречий в оценке своей эпохи и современности. Он всегда чувствовал себя одиноким мыслителем. Он говорит о себе: «Я остался одиноким как всегда. Меня считали левым и почти коммунистом. Но мне чужды все течения и группировки...» [Бердяев. *Самопознание*, 280]; «...я обращаюсь не к завтрашнему дню, а к векам грядущим. Понимание моих идей предполагает изменение структуры сознания» [Бердяев. *Самопознание*, 355].

Он был и остается для нас и для всего христианства человеком «восьмого дня», глашатаем свободы и творчества, проповедником необходимости людям быть «соратниками у Бога»^{*1} и продолжателями Божьего творческого дела на земле, пока Он не придет опять^{*2}.

*1 1 Кор 3:9

*2 Ин 14:3;
Откр 2:25

Бердяев был пророком и предвозвестником христианства не «Третьего Завета», как думали многие из людей «нового религиозного сознания» начала XX в., а христианства в творческом ожидании и подготовке к эсхатологическому суду над историей, к парусии, когда явится полнота Царствия Божьего и «будет Бог всё во всем»^{*3}.

*3 1 Кор 15:28

В этом творчески свободном и эсхатологическом плане он и воспринимал сущность, призвание и перспективы христианства и христиан в современном мире. Наиболее характерными и наиболее важными для такого понимания Бердяевым христианства являются три его фактически программные статьи в «Пути»: «Царство Божие и Царство Кесаря»²¹, «Спасение и творчество» (Два понимания христианства)²², «Два понимания христианства» (К спорам о старом и новом христианстве)²³.

4. Полемика вокруг учения прот. Сергея Булгакова и взглядов Николая Александровича Бердяева

Полемика вокруг учения о. Сергея Булгакова возникла в связи с его софиологией — учением о Софии, Премудрости Божьей. Это учение разрабатывал еще Вл. Соловьев (в «Чтениях о Богочеловечестве»), а затем ярко развивал о. Павел Флоренский (особенно в книге «Столп и утверждение истины»). Отец Сергей Булгаков продолжал эту линию русской софиологии, но его «продолжение»

21. Бердяев Н. Царство Божие и Царство Кесаря // Путь. 1925. № 1. С. 31–52.

22. Бердяев Н. Спасение и творчество : Два понимания христианства // Путь. 1926. № 2. С. 26–46.

23. Бердяев Н. Два понимания христианства : К спорам о старом и новом христианстве // Путь. 1932. № 36. С. 17–43.

и «дальнейшая разработка» этого учения вызвали оживленную полемику и обвинение почти что в ереси — сначала со стороны митр. Сергия (Страгородского), местоблюстителя патриаршего престола (Указ от 24 августа 1935 г.), потом со стороны архиерейского собрания в Карловцах (17 октября 1935 г.). Булгаков ответил на эти обвинения в «Докладной записке» митр. Евлогию.

Подробности обвинений и возражений со стороны Булгакова разобраны в брошюре В. Н. Лосского «Спор о Софии»²⁴.

Краткое, но точное изложение своего учения о Софии о. Сергий дал в английской книге «The Wisdom of the God» (A Brief Summary of Sophiology), вышедшей в Лондоне в 1937 г., а также в статье «Центральная проблема софиологии» в немецком журнале (Das zentrale Problem der Sophiologie // Kyrios. 1936. № 2. S. 93–101), переведенной Л. Зандером на русский язык и напечатанной в «Вестнике РХД»:

Центральной проблемой софиологии является вопрос об отношении Бога и мира, или — что по существу является тем же самым — Бога и человека. Другими словами, софиология является вопросом о силе и значении Богочеловечества и при том не только Богочеловека, как воплотившегося Логоса, но именно Богочеловечества, как единства Бога со всем сотворенным миром в человеке и через человека [*Булгаков. Софиология, 104*].

Булгаков использовал учение Вл. Соловьева о «всеединстве» как обоснование, что тварь, будучи «всеединством», через «софийность» имеет связь с Богом, и мир становится причастным Божеству именно через святую Софию, которая, как тварная София, есть Душа Мира как всеединства тварного бытия.

На обвинение, что Булгаков признает Софию как бы «четвертой ипостасью» и тем самым впадает в ересь (тринитарного характера), богослов отвечал, что он православно исповедует Св. Троицу, и по его мысли София — не ипостась, но «ипостасна»; такая аргументация вызвала справедливую критику философии и богословствования о. Сергия от проф. Николая Онуфриевича Лосского в его «History of Russian Philosophy» [*Lossky, 192–232*].

Учение о св. Софии Премудрости Божьей (софиологию) о. Сергий не считал и не выдавал за общецерковный догмат, но развивал как теологумен, осуществляя право богослова на свободу

24. Лосский В. Н. Спор о Софии. Париж : YMCA-Press, 1936. 87 с.

творчества. Можно согласиться с общей оценкой величия богословского подвига о. Сергия, выраженной в редакционной статье в «Вестнике РХД» за 1971 г.:

О. Сергей Булгаков не только построил стройную систему, но избавил раз и навсегда русское, вернее — православное богословие от школьности, рутинности, от робости и духа боязни, вернув ему ту царственную свободу, которая была присуща патриотическим векам. Больше того: он укоренил богословие в опыте церковной жизни, сохраняя при этом свободу богословского мнения [Струве, 3].

В заключение вопроса о полемике вокруг учения о. Сергия (о его софиологии) я приведу еще мнение покойного о. Александра Шмемана, ученика о. Сергия, ставшего теперь тоже глубоким и оригинальным богословом в Православии:

...Речь не может идти ни просто о принятии системы о. Сергия, ни просто об ее отвержении. Я уверен, что когда наступит время спокойного и глубокого церковного ее обсуждения, Церковь, в конце концов, как бы «перепишет» набело его учение. Она с любовью и благодарностью примет в нем все то, что поистине раскрывает последние глубины ее опыта... И, как не раз делала она это в прошлом, она «элиминирует» из учения о. Сергия все то, что, в сущности, затемняет его... Сам же он, я не сомневаюсь в этом, останется в памяти Церкви тем, чем он действительно был: пророком и тайнозрителем... [Шмеман, 21–22].

Пolemика вокруг учения Бердяева и его оценки у русских мыслителей и в церковных кругах русской диаспоры менее остра, чем вокруг софиологии о. Сергия Булгакова, и больше академична и философски насыщена.

Резкую оценку встретили взгляды и личность Бердяева у карловчан, что вполне естественно, но возражения, а вернее — осуждения его с их стороны очень тенденциозны и узки (например, архим. Кирилл (Зайцев)).

Сурово подошел к оценке философии Бердяева о. Георгий Флоровский (Пути русского богословия. Париж, 1937. 2-е изд. — 1981). Критически разобрал мировоззрение Бердяева прот. Василий Зеньковский (в «Истории русской философии»: Т. 2. С. 298–318).

Спокойно и объективно оценил и критически проанализировал взгляды и учение Бердяева проф. Н. О. Лосский в своей «Истории русской философии» [Lossky, 235, 25].

Как известно, большой интерес, признание и очень положительные оценки Бердяев вызвал к себе на Западе (можно сказать, даже во всем культурном мире).

Однако высшим и решающим критерием в оценке Бердяева является тот факт, что его знают, изучают и высоко ценят в кругах верующей или интересующейся религией молодежи и молодой интеллигенции у нас, на родине Бердяева. Даже неверующие, но высокой интеллектуальной культуры марксисты требуют издания у нас Бердяева как классика религиозной философии, могущего стимулировать нашу культурную и духовную жизнь (см. выше про статью в «Московских новостях»). Он уже как бы постепенно возвращается к себе, на свою любимую Родину, с «посланием» к нашему народу. И это закономерно, ибо Бердяев был великим патриотом своей Родины.

Он проявлял этот патриотизм все время своего пребывания в Париже и тем часто вызывал к себе неприязнь и осуждение со стороны части русской эмиграции. Особенно героически вел себя Бердяев во время немецкой оккупации Парижа и в годы Великой отечественной войны. Он верил в победу своего народа, приветствовал ее, радовался успехам и торжествовал победу России, как он говорил — «его России».

В «Самопознании» он прямо и открыто свидетельствовал о себе:

Советскую власть я считаю единственной русской национальной властью, никакой другой нет, и только она представляет Россию... Нужно пережить судьбу русского народа как свою собственную судьбу. Я не могу поставить себя вне судьбы своего народа [*Бердяев. Самопознание, 363*].

Я всегда верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками [*Бердяев. Самопознание, 357*].

Я могу признать положительный смысл революции и социальные результаты революции, могу видеть много положительного в самом советском принципе, могу верить в великую миссию русского народа и вместе с тем ко многому критически относиться.

Мое критическое отношение ко многому, происходящему в советской России... особенно трудно потому, что я чувствую потребность защи-

щать мою Родину пред миром, враждебным ей [Бердяев. *Самопознание*, 371–372].

Я понял коммунизм как напоминание о неисполненном христианском долге. Именно христиане должны были осуществить правду коммунизма [Бердяев. *Самопознание*, 250].

Призывом к христианам исполнить этот исторический еще неисполненный христианский долг, осуществить в жизни людей и в жизни общества «правду христианства» и была вся жизнь, учение, служение и посланничество Бердяева.

Он действительно был пророком и человеком «восьмого дня» в истории христианства и мира, дня свободного творческого сотрудничества у Бога, Который сказал о Себе: «Прежнее прошло... Се, творю всё новое»^{*1}.

*1 Откр 21:4–5

И потому прав был Бердяев, когда признавал: «Я обращаюсь не к завтрашнему дню, а к векам грядущим» [Бердяев. *Самопознание*, 355].

В этом его значение для всех нас.

В заключение об о. Сергии Булгакове и Николае Александровиче Бердяеве можно сказать словами Священного писания: «Истинно, истинно, говорю вам: если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»^{*2}.

*2 Ин 12:24

Так было и есть — и с Булгаковым, и с Бердяевым.

24 апреля 1988 года

Литература

1. *Бердяев. Истоки и смысл* = Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж : YMCA-Press, 1955. 159 с.
2. *Бердяев. Самопознание* = Бердяев Н. А. Самопознание : Опыт философской автобиографии. Париж : YMCA-Press, 1949. 377 с. (В последние годы вышло много переизданий. — Прим. ред.)
3. *Бердяев. Человек и машина* = Бердяев Н. Человек и машина : Проблема социологии и метафизики техники // *Путь*. 1933. № 39. С. 3–37.
4. *Бердяев. Я и мир объектов* = Бердяев Н. Я и мир объектов : Опыт философии одиночества и общения. Париж : YMCA-Press, 1934. 187 с.
5. *Булгаков. Заметки* = Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки : Посмертное издание. Париж : YMCA-Press, 1946. 167 с.

6. *Булгаков. Невеста* = Булгаков Сергей, прот. Невеста Агнца : О Богочеловечестве : Часть 3. Париж : б. и., 1945. 626 с.
7. *Булгаков. Утешитель* = Булгаков Сергей, прот. Утешитель : О Богочеловечестве : Часть 2. Таллинн : YMCA-Press, 1936. 447 с.
8. *Булгаков. Софиология* = Булгаков Сергей, прот. Центральная проблема софиологии [Das zentrale Problem der Sophiologie] // Вестник РХД. 1971. № III–IV (101–102). С. 104–108.
9. *Карсавин* = Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя церкви : Раскрытие православия в их творениях : К изучению дисциплины. Париж : YMCA-Press, 1927. 269 с. (Переиздание: М. : МГУ, 1994. — *Прим. ред.*)
10. *Клепинина* = Клепинина Т. Николай Александрович Бердяев : Библиография. Париж : Institut d'études slaves ; YMCA-Press, 1978. 160 с.
11. *Несмелов* = Несмелов В. И. Наука о человеке : [В 2 т.]. 2 изд. Казань, 1898–1906. Т. 1 : Опыт психологической истории критики основных вопросов жизни. 394 с. (Репринт. переизд. 3-го изд., испр. и доп.: Казань : Заря-Тан, 1994. — *Прим. ред.*)
12. *О последних днях* = О последних днях отца Сергия : Запись очевидца // Вестник РХД. 1971. № III–IV (101–102). С. 85–86.
13. *Струве* = Струве Н. А. К столетию со дня рождения прот. Сергия Булгакова, 1871–1971 // Вестник РХД. 1971. № III–IV (101–102). С. 3–4.
14. *Федоров* = Федоров Н. Ф. Философия общего дела : Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова / Под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Верный : тип. Семиречен. обл. правл., 1906–1913. Т. 1. 1906. 732 с.; Т. 2. 1913. 473 с.
15. *Шмеман* = Шмеман Александр, прот. Три образа // Вестник РХД. 1971. № III–IV (101–102). С. 9–24.
16. *Berdiaev. Essai* = Berdiaev N. Essai d'autobiographie spirituelle : Traduit du russe. Paris : Buchet / Chastel Corrêa, 1958. 429 p. (La Barque du soleil).
17. *Berdiaev. Solitude* = Berdiaev N. Cinq méditations sur l'existence : Solitude, société et communauté. Paris : F. Aubier, 1936. 208 p. (Philosophie de l'esprit).
18. *Bouyer* = Bouyer Louis. Le Fils éternel : Théologie de la Parole de Dieu et christologie. Paris : Cerf, 1974. 533 p.
19. *Callian* = Callian C. S. Berdyaev's philosophy of Hope : A contribution to Marxist-Christian dialogue. Minneapolis, MN : Augsburg Pub. House, 1968. 134 p.
20. *Davy* = Davy M. M. Nicolas Berdiaev, l'homme du huitième jour. Paris : Flammarion, 1964. (Homo sapiens).
21. *Lossky* = Lossky N. O. History of Russian Philosophy. New York : International Universities Press, 1951. 416 p. (Или: Lossky N. O. History of Russian Philosophy. London : Allen and Unwin, 1952. 416 p. — *Прим. ред.*)

22. *Lowrie* = Lowrie Donald A. *Rebellious Prophet : A Life of Nicolai Berdyaev*. New York : [Ann Arbor] Harper, 1960. 310 p.
23. *Moltmann* = Moltmann J. *Theologie der Hoffnung : Untersuchungen zur Begründung und zu den Konsequenzen einer christlichen Eschatologie*. München, Chr. Kaiser Verlag, 1966. (Beiträge zur evangelischen Theologie; Bd. 38).
24. *Pannenberg* = Pannenberg W. *Antropologie in der theologischer Perspektive*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1983.

Archpriest Vitaly Borovoy

Bulgakov and Berdyayev: Theology and Philosophy

*Presentation delivered at the workshop in Chambésy (Switzerland)
on the 1000th anniversary of the Christianisation of Russia*

The article is based on the manuscript of the presentation prepared by Archpriest Vitaly Borovoy to have been delivered at the theology workshop in Chambésy (Switzerland), on the eve of celebrating the 1000th anniversary of Russia's Christianisation. The paper analyses the theological views of Archpriest Sergius Bulgakov and the philosophical ideas of Nikolay Berdyayev, with both of them being the prominent representatives of the Russian Religious-Philosophical Renaissance of the first half of the XX century. The bibliographies of major works by Bulgakov and Berdyayev (as well as by researchers of their writings) are also reviewed. This article is an excellent introduction to the thought of these authors.

KEYWORDS: Berdyayev, Bulgakov, theology, philosophy, personalism, existentialism, communism, Russian Religious-Philosophical Renaissance.